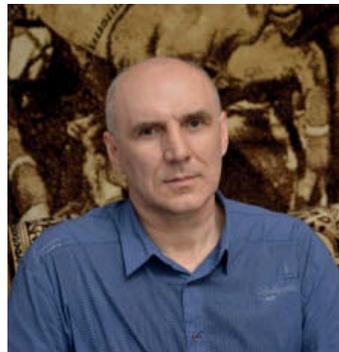

Юрий Жекотов

Юрий Викторович Жекотов – родился в городе Николаевске-на-Амуре в 1964 году. Почётный работник образования РФ. Победитель Дальневосточного конкурса природоохранной журналистики «Живая Тайга» (Владивосток, 2011) и Всероссийского конкурса-фестиваля «Хрустальный родник» (Орёл, 2012). Лауреат Международных литературных конкурсов «Славянские Традиции» (Крым, 2010 и 2014), «Согласование времён – 2012» (Германия), «Русский Stil – 2015» (Германия) и др. Член литературного объединения «Точки» при Совете по прозе Союза писателей России. Член Международной гильдии писателей. Автор двух книг прозы.

ТАРАБАНЬКА С СИРЕНЕВОЙ УЛИЦЫ

Рассказ

– Когда-то геологоразведчики, как твой отец, были востребованы и заработанные деньги не считали. Всё было относительно сносно даже в начале разгромных девяностых – худо-бедно, но средств на латание семейного бюджета хватало. А потом всё к одному – накрылась российская геология медным тазом! И вот тут нужно было отцу заявить о себе, проявить предприимчивость, изобретательность. А он оказался неприспособленным и непрактичным, малахольным каким-то! Всё надеялся, что восстановится положение дел и позовут его на прежнее место работы. Ждите, как же! – пришло время, достаточно эмоционально поведала Наталья Валерьевна подростковой дочери о сложном этапе совместной жизни с её родителем. Только свидетелей подтвердить или опровергнуть достоверность рассказа рядом не было, весь он полностью остался на совести матери.

– Ты, Вика, как раз появилась на свет. Я на двух работах кручусь, а с отца как с гуся вода, вдобавок и к бутылке стал прикладываться. Устала я, издёргалась за несколько лет! И тут меня в командировку отправили в областной центр. Там я с нашим Дмитрием Сергеевичем познакомилась. Он тогда в городской администрации инспектировал вопросы строительства. Сразу было понятно: человек с головой, перспективный. К тому же видный, обходительный. А мне хотелось понимания, надёжного плеча, как женщине – чуткости и тепла, наконец! И Дмитрий Сергеевич не шуры-муры водил, сделал серьёзное предложение. Я и решила: достаточно мне одного ребёнка, тебя! Сколько можно нянькаться с твоим отцом! Ты как раз первый класс заканчивала. Дождалась я лета и переехала к Дмитрию Сергеевичу, стала строить жизнь на новом месте. Ну а дальше ты знаешь...

Рассказывая о прошлом, давала Наталья Валерьевна дочери советы и на будущее:

– Не повтори моих ошибок, Вика! Подростковая романтика – она быстро улечивается! Восторженные взгляды, пылкие признания, букеты из ландышей и всё такое – на этом далеко не уедешь. Нужно с дальним прицелом себе пару выбирать, наперёд думать...

Виктория целиком и полностью одобряла выбор матери. К Дмитрию Сергеевичу – отчиму и второму мужу матери – она испытывала искреннее уважение. Дмитрий Сергеевич обеспечил семье достаток, по окончании школы помог Виктории поступить в престижный университет экономики и управления, а когда она начала организовывать собственный бизнес, познакомил с нужными людьми. В победном и многообещающем жизненном марше на собственную свадьбу Виктория родного отца пригласить «забыла», а, если честно признаться, постеснялась показывать его «приличным» людям. Конечно, какие-то воспоминания детства у Виктории остались, но за ненадобностью прятались они в далёких закоулках памяти и никак не напоминали о себе, кроме разве что прописанного по паспорту и всегда на слуху отчества – Матвеевна.

Со своим агентством ООО «Кадастр-Креатив» Виктория Матвеевна удачно вошла в бизнес. Заключение договоров по землеустройству с административными структурами и частными лицами, экспертиза и размежевание спорных участков, кадастровый учёт лесного фонда, решение других животрепещущих вопросов по организации эффективного использования земельных ресурсов приносили фирме солидный доход. Вяжущей и крепко пристающей к месту паутиной стали расплзаться по краю филиалы агентства ООО «Кадастр-Креатив». Владелица преуспевающей фирмы относительно легко перенесла беременность. С помощью нянек-сиделок не испытывала особых проблем в воспитании дочери Насти. А вот с мужем не повезло, хоть и выбирала с «дальним прицелом», да, видно, плохо целилась, оказался он неисправимым бабником, волочился чуть ли не за каждой юбкой. Раз простила, второй, а потом решила: чем такая семейная жизнь, лучше пока никакой.

Родной отец Виктории откуда-то узнал номер телефона, время от времени звонил, тянул слова, сюсюкал, по голосу походил на изрядно выпившего человека, у которого изредка «под градусом» просыпаются родительские чувства. Так получалось, чаще звонил невпопад, когда дочь была занята по работе. Виктория отвечала сухо, дежурно, накоротке, лишь бы адресат поскорее отвязался. В очередной отцовский звонок была она по уши в делах, не в духе, раздражительно выпалила: «Матери жить не давал, а сейчас меня достаёшь?!» И оборвалось на несколько лет всякое сообщение с отцом. Виктория Матвеевна и не переживала: «А о чём тут тужить-печалиться? Велика ли потеря?!»

В следующий раз дед Матвей объявился на рождение внучки Насти (опять откуда-то узнал), обозначился переводом на полторы тысячи рублей. А потом взял добровольно на себя ежемесячную обязанность – слать переводы. Конечно, по его доходам – полторы тысячи рублей – может, и деньги, но по достаткам-капиталам Виктории Матвеевны сия сумма – просяное зёрнышко – курам на смех! И тут она не церемонилась. Взяла разом и отправила отцу обратно все полугодовые переводы, и от себя ещё столько же добавила. Пусть не утруждается! Попросил бы, так сама ему регулярную добавку к пенсии организовала. Но лично предлагать, уж извините, оставалась после рассказов матери обида на отца.

Дошла очередь до организации филиала ООО «Кадастр-Креатив» в родном городке. В садике, куда ходила Настя в дошкольную группу, объявили карантин, приходящая нянька не ко времени заболела, и ничего не оставалось – дело безотлагательное, взяла Виктория Матвеевна дочь в поездку с собой. Остановились они в лучшей городской гостинице «Бригантина». На следующий день было назначено заключение договора в нотариальной конторе на покупку, а заодно и ремонтно-отделочные работы в помещении, которое собирались переоборудовать под офис. Могла Виктория Матвеевна оставить дочь и в гостинице, повозилась бы та с любимой куклой. Но всё же гостиница – учреждение казённое. Мало ли чего. Тут и вспомнила Виктория Матвеевна отца. Повидаться лично хотелось не хотелось – сама не понимала, как-нибудь обошлась бы. Но всё-таки где-то чуть-чуть и совестилась, к тому же шестилетняя внучка так и не видела дедушку ни разу, не по-людски же.

А в телефонном справочнике, в разделе «контакты», оказывается, и номер сохранился. Хоть и с маленькой буквы, но записано: «отец». И телефонный звонок, будто караулили, отозвались сразу:

– Да! Да! Алле!..

А потом образовалась пауза. Виктория Матвеевна не знала, как начать разговор, как обратиться. «Папа» – как-то язык не поворачивался. Отец от неожиданности тоже замямлил что-то невразумительное.

Наконец женщина нашлась:

– Добрый день.

И с другой стороны сразу подхватили, зачастили малоразборчиво. Твёрдые согласные произносились абонентом подозрительно мягко, а гласные звучали звонче обычного:

– Здравствуй, доча, здравствуй! Я вот тут, как бы, спасибо, что позвонила...

Виктория Матвеевна даже невольно поморщилась и насторожилась: «Ну что за слюнвявый тон! Может, отец – алкоголик?» Спросила в лоб:

– Ты пьяный?

– Нет. Теперь не пью. Это горло! Операция была! Я всегда так говорю, – объясняя, отец старался как можно более чётко выговаривать слова.

Хоть и сомнение взяло, правду ли говорит, но разговор Виктория Матвеевна продолжила:

– Мы с Настей приехали. Остановились в «Бригантине». Ты не мог бы на час, максимум на два взять внучку? Мне нужно отлучиться. – Виктория Матвеевна поняла, что говорит казённо, будто со своим подчинённым и смягчила тон: – Не чужой же всё-таки.

– Конечно. Да. Да... – заторопился отец дать согласие, а то вдруг передумают.

– Сейчас такси возьму. Куда подвезти Настю? – спросила Виктория Матвеевна.

– Я там же. На Сиреновой улице. Не помнишь разве? – назвал отец адрес и тут же спохватился: – Зачем на такси тратиться? Сейчас подойду к гостинице. Тут недалеко.

– Да какие тут траты!.. – не успела досказать Виктория Матвеевна, как телефонный звонок оборвался, абонент уже поспешно собирался в пеший маршрут.

Виктория Матвеевна выждала минут пятнадцать, одела Настю. Когда они с дочерью вышли из гостиницы, на крыльце уже топтался давно утративший солдатскую выправку мужчина лет шестидесяти. Виктория Матвеевна его сразу узнала – отец. Среднего роста, худощавый, изрядно облысевший, с осунувшимся лицом, по своему одеянию напрочь игнорирующий веяния моды. На отце под стать серой невзрачной куртке, из которой выглядывал блёклый клетчатый шарфик, были надеты более широкие, чем нужно по размеру, чёрные брюки и такого же неброского цвета грубо сшитые, тупоносые туфли. «Не чета матери, которая и сейчас старается держаться в тренде и для своего возраста выглядит молодцом», – напросилось сравнение у Виктории Матвеевны, и всё же она призналась себе, что боялась увидеть и худший вариант. А здесь: и брюки отглажены, и туфли начищены, а главное – не разило от отца перегаром.

Дед Матвей неожиданно встал перед внучкой на колени, сказал лишь: «Настёна-Сластёна моя!» И шестилетняя Настя, обычно не доверявшая незнакомым (мама так учила, времена-то какие!), будто увидела неловкого и неуклюжего, но давно понравившегося ей мультяшного героя, каким-то непостижимым образом выбравшегося с экрана телевизора, не раздумывая, бросилась дедушке на шею. И опять перед Викторией Матвеевной предстала сложно объяснимая словами сцена...

– Ну, мы пойдём, – поднявшись, так и не отряхнув колени, отворачивал голову в сторону, пряча наворачнувшиеся слёзы, произнёс отец. Так и пошли, взявшись за руки, старый и малый жители русской земли, сильно похожие между собой, то ли походкой, то ли непосредственностью и открытостью, несколько раскачиваясь, будто сели они на некий хлипкий, но оберегаемый небом кораблик, который несут в счастливое будущее добрые попутные ветры. Виктория Матвеевна даже засмотрелась им вслед. Потом спохватилась, глянула на часы, заторопилась на деловую встречу.

Подрядчик попался дотошный, придирчивый, сумбурный: и то ему не так, и это не эдак, то настаивал на одной поправке, то на другой. Пока корректировали у нотариуса все пункты и параграфы договора, растратили времени больше намеченного. Но наконец всё утряслось.

Виктория Матвеевна вызвала такси, откинулась на заднем сидении, глубоко и облегчённо вздохнула, назвала адрес: «На Сиреновую улицу», и между прочим сделала вывод: «А всё же хорошо после серьёзностей и превратностей жизни попасть на улицу с таким приятным названием». На перекрёстке отпустила машину, решив пройти пешком.

Оправдывая своё название, улица Сиреневая утопала в цветочном море спокойствия и безмятежности. Фиолетовые, синие, белые, лиловые – скромные и нежные цветы наполнили этот уголок земли небесным светом и чистотой, бережно и ласково скрашивая ветхость и первобытность отдельных строений, где в основном доживали свой век старики. Виктория Матвеевна не была здесь «тыщу» лет, а теперь будто вернулась в давно минувшее время – в сказку, где, в отличие от городских безразличных к прохожим каменных многоэтажек, кокетливо выглядывали из-за сиреневых соцветий окошки в наличниках и горланили гимны весне и высокому солнцу задиристые петухи. Вон чудный дом, где ажурные причелины, старательно вырезанные мастером, подпёрли скаты крыши, а на другом бревенчатом строении, совсем приземистом, неведомая птица – охлупень-загорулинка – оберегом уселась на коньке крыши, высматривая на востоке гонца со спасительными вестями... Ноги сами привели к родному дому.

Ничего особенного, не краше других, а сколько разом тайных чувственных струнок задел он в женской душе! В стекле двух оконных рам, выходящих на юг, играют-искрятся золотые лучики,

ослепляют взгляд золотыми блёсками. Оградка выкрашена свежей изумрудно-зелёной краской. Из-за неё приветливо протягивает ветки пышный куст сирени. Виктория Матвеевна лишь тронула калитку рукой, и та, словно заждавшись, тут же отворилась, приглашая зайти вовнутрь. Во дворе чисто, прибрано, всему своё место: и трудолюбивой метле, и бочке под дождевую воду, и дровяной поленнице. Виктория Матвеевна прошла по пружинистому деревянному настилу к входной двери, над которой не оказалось звонка. Женщина тюкнула пару раз кулачком по дверной плахе, но никто не отозвался, потянула дверь на себя, и та без скрипа открылась. В сенцах за узорчатой тюлевой занавеской Виктория Матвеевна услышала залиvistый смех Насти и тут же голос отца (теперь хорошо узнаваемый), идущий откуда-то издалека, будто старинным преданием из глубины веков. «А подслушивать нехорошо», – сама себе в назидание с улыбкой подумала Виктория Матвеевна, но всё-таки не решилась прерывать сказку, в которую каким-то чудом попала.

– Идёт дальше Тарабанька. Смотрит: утёнок отстал от своей семьи, кричит жалобно, трепещет крылышками – зовёт на помощь маму-утку. И не знает даже, что к нему голодная лиса крадёт. Ещё немного, и схватит бедного утёнка! Но тут как забарабанит Тарабанька в свой барабан!

Вдруг и в самом деле в доме застучали. Только сразу объявились два барабанщика. Один колотил более ритмично, а другой в беспорядке рассыпал удары. «Так это же отец с Настей чудят!» – догадалась Виктория Матвеевна.

– Лиса даже подпрыгнула от неожиданности! Туда-сюда сунулась, а деваться некуда! Везде шум-переполюх, вот-вот её поймут! И давай лиса тикать-улепётывать, только пятки сверкают! – Под смех внучки, которая на всякий случай ещё немного побарабанила, повёл отважного сказочного героя к новым приключениям дед Матвей: – Идёт дальше Тарабанька...

Виктория Матвеевна с удовольствием послушала бы продолжение истории про приключения Тарабаньки, но тут замурчал внизу, затёрся довольно об её ноги, хитро щурясь, большой рыжий кот. К приподнятому женскому настроению само собой нашлось у Виктории Матвеевны воспоминание: «Уж не тот ли самый кот, что “идёт направо – песнь заводит, налево – сказку говорит”?» А «кот учёный», недолго думая, показывая дорогу в «лукоморье», нырнул под тюлевую шторку.

Отодвинув воздушную ажурную занавеску, женщина сделала два шага за «мурчалкой» и попала на кухню, добрую треть которой занимала высокая печь, а по разные стороны располагались две комнаты. Виктория Матвеевна лишь случайно глянула на ближайшую стену, её взгляд задержался, затем медленно поплыл дальше и дальше, у женщины даже немножко закружилась голова: «Боже мой, откуда всё это? Где хранилось? Как удалось сберечь?» Кругом в родном доме были расставлены и развешены её детские работы, выполненные в садике и в начальной школе, поделки и изделия, которые она сама рисовала, лепила, клеила, мастерила: снеговичок из папье-маше в малиновом колпачке, ёжик из кедровой шишки с плетёной корзинкой, бабочка из бумажных скруток, улитка из пластилина, рисунки с жёлтым цыплёнком и стеснительным мышонком...

Вспомнила она и Тарабаньку, который сейчас, во время рассказа деда Матвея и по желанию Насти, свободно вышагивал по столу, по стене и везде, где хватало длины детской руки.

Вика хотела сделать зайца: старательно вырезала ткань, сшивала её, забивала поролоном... Но получилось какое-то непонятное существо с разными по длине ушами. Вика расстроилась и плакала. Успокоил и ободрил отец:

– Пусть это не заяц. Но у тебя получилось ещё лучше! Это самый настоящий Тарабанька. Да, да!

– Кто такой Тарабанька? – сквозь слёзы спросила Вика.

– Никогда и ни при каких условиях не унывающий Тарабанька! Стоит только ему застучать в барабан, и все невзгоды и неприятности отступают.

Тарабанька долго был любимой игрушкой Вики, к которой она наивно обращалась с просьбами, а то и просила срочной помощи...

Детские воспоминания Виктории Матвеевны прервал настойчивый голос Насти:

– А потом? Потом?..

Но дед Матвей замолчал, заметив дочь. Настя, увидев родительницу, подбежала, радостно протягивая игрушку:

– Мама, смотри, какой здесь живёт Тарабанька! Подержи немного. Он хороший!

Дед Матвей выглядел растерянным. Не знал, куда деть руки. Он забыл о времени, занимаясь с внучкой, и получилось, что очень скоротечно пробежали эти недолгие счастливые часы. Он не

знал, как отнесётся к его заботам-печалям дочь. Виновато приподняв плечи, вопрошающе смотрел на Викторию Матвеевну, понимая, что сейчас, наверное, Настю заберут, и неизвестно, когда они встретятся в следующий раз, не увидит он скоро и дочь, а годы уходят, и сколько их осталось, дождётся ли новой встречи...

Виктория Матвеевна, как и отец, желала многое сказать и не находила слов (а всё же яблоко от яблони далеко не падает). Виктория Матвеевна точно видела, как сочувственно с подоконника улыбается отцу пластилиновый мишка с добрыми жёлтыми глазами; ожила на серванте и уже плывёт на помощь деду Матвею бумажная царевна-лебедь с большущей короной на голове, и надо же, не узнаёт её; тянет, как гостье, красно-зелёное яблоко ёжик: «С одной стороны – кисло, с другой – сладко! Хрумкай хоть всё! Только не ругайся!» И уже в руках, вернулся после долгой разлуки и барабанит вовсю Тарабанька, гоня прочь всякие ненужные страхи и напраслины, прямёхонько попав в ритм её сердца, зовя за собой в расчудесную даль.

– А потом? Что будет дальше, дедушка? Дальше?.. – взобравшись к деду на колени, дёргала его Настя за рукав рубашки.

В глазах Виктории Матвеевны цветным калейдоскопом отражались счастливые картинки детства. Она вспомнила, что и это всё у неё было, как сейчас у Насти, только потом неожиданно оборвалось. Вновь завёл свои песни – замурлыкал у ног мудрый рыжий кот, а Виктории Матвеевне сейчас ничего не хотелось, кроме как на этой милой Сиреновой улице в родном доме лепить добрых медведей, отправлять в счастливое плавание лебедей, загадывать самые заветные желания и просить об их исполнении Тарабаньку... А ещё больше хотя бы на одну волшебную минутку стать такой же маленькой, как Настя, и оказаться в объятиях отца.

